

Аллан Кардек

**Небо (рай) и ад. Божественная
справедливость с точки
зрения спиритуализма**

«Автор»

Кардек А.

Небо (рай) и ад. Божественная справедливость с точки зрения спиритуализма / А. Кардек — «Автор»,

Поступками человека, в конечном счете, руководит вера в возможную будущую жизнь или в небытие после земного существования. Представления о рае и аде издавна занимали человеческие умы: каковы рай и ад, где местонахождение ада? Автор живописует картины языческого и христианского рая и ада и обосновывает отношение спиритизма к учению о вечности мучений и о первородном грехе. В книге подробно освещаются учения об Ангелах и Демонах, их происхождение и современные автору вмешательства в дела человеческие Духов. Книга содержит многочисленные примеры счастливых и несчастных Духов, закоренелых преступников и кающихся грешников. Яркими образами и полемическим характером книга будет интересна широкому кругу читателей.

© Кардек А.

© Автор

Содержание

Часть первая. Учение	5
Глава 1. Будущая жизнь и небытие	5
Глава 2. Страх смерти	10
Причина страха смерти	10
Почему спириты не боятся смерти	13
Глава 3. Небо (Рай)	14
Глава 4. Ад	20
Предчувствие будущих наказаний	20
Христианский ад как подражание аду языческому	20
Преддверие рая	22
Изображение языческого ада	22
Картина христианского ада	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Аллан Кардек
Небо (Рай) и Ад или Божественная
справедливость с точки
зрения спиритуализма.
Сравнительное обозрение доктрин о
переходе из жизни телесной в жизнь
духовную; будущие наказания и награды;
ангелы и демоны; вечные муки и
многочисленные примеры о действительном
состоянии души во время и после смерти

...Живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был.
(Иезекииль 33:11)

Часть первая. Учение

Глава 1. Будущая жизнь и небытие

1. Мы живем, думаем, действуем – для нас это несомненно; не менее несомненно и то, что мы умираем. Но, покинув землю, куда мы пойдём, что будет с нами? Сделаемся ли мы лучше или хуже? Будем мы или не будем существовать? «Быть или не быть?» – вот вопрос. Вечно жить или не жить вовсе; будем ли мы жить вечно или все исчезнем безвозвратно? Об этом стоит подумать.

Всякий человек стремится жить, наслаждаться жизнью, любить, быть счастливым. Скажите человеку, находящемуся на смертном одре, что он ещё будет жить, что час его смерти ещё не настал; главное, скажите ему, что он будет счастливее прежнего, и сердце его радостно забьётся; но к чему послужит эта радость, эта надежда на счастье, если достаточно одного дуновения, чтобы все разлетелось в прах?

Есть ли что-нибудь более угнетающее, чем мысль о совершенном уничтожении? Святыня привязанностей, разум, прогресс, трудами приобретенные знания – все будет разбито, все потеряно. Какая надобность хлопотать о своем совершенствовании, сдерживать свои страсти, утомляться, развивая свой ум, если не суждено увидеть плодов этих усилий, особенно при мысли, что завтра, может быть, уже ничего вам не будет нужно? Если бы это было так, то судьба человека была бы во сто раз хуже участи животного, которое живет настоящей минутой, в удовлетворении своих материальных потребностей, без надежды и упования на будущее. Но внутреннее инстинктивное чувство говорит нам, что это невозможно.

2. Веря в небытие, человек поневоле сосредотачивает все свои мысли на настоящем. И как, в самом деле, заботиться о будущем, которого не ждешь? Эта исключительная забота о

настоящем естественно приводит к эгоизму, и неверующий вполне последователен, приходя к следующему заключению: надо наслаждаться жизнью, потому что со смертью все кончается; наслаждаться возможно больше и скорее, потому что мы не знаем, сколько мы проживем; или к заключению еще более опасному для общества: будем наслаждаться и думать только о себе, так как счастье на земле достигается наиболее смелыми людьми.

Если совесть и останавливает некоторых, то нет никакой узды для тех, кто ничего не боится. Они думают, что законы человеческие карают только людей неискренних и недалеких, вот почему они прилагают все свои способности к тому, чтобы обходить их. Это учение *нездоровое и противоположенное*; учение, проповедующее уничтожение, потому что оно разрушает солидарность и братство, основу социальных отношений.

3. Предположим, например, что целый народ по какой-либо причине придет к убеждению, что через неделю, через месяц или даже через год он будет уничтожен, что ни один человек не останется в живых и что о них не сохранится ни следов, ни воспоминания. Что он будет делать в течение этого времени? Будет ли он трудиться над своим совершенствованием и просвещением? Будет ли он работать? Будет ли уважать права, жизнь и собственность своих ближних? Захочет ли он подчиняться законам и уважать авторитеты, даже наиболее почтенные, как, например, авторитет родителей? Будет ли признавать какие-либо обязанности? Конечно, нет. И если мы не видим массовых примеров этому, то единичные случаи, как результат учения о небытии, встречаются ежедневно.

Если последствия отрицательных учений не так разрушительны, как могли бы быть, то это, во-первых, потому, что у большинства неверующих больше рисовки, чем настоящего неверия, больше сомнения, чем убеждения, и что они больше боятся небытия, чем они стараются это выказать, так как звание вольнодумца льстит их самолюбию. Во-вторых, действительно и абсолютно неверующие составляют ничтожное меньшинство, они невольно подчиняются влиянию мнений, противоположных учению о бессмертии души, и поддерживаются господствующим материализмом. Но если абсолютное неверие когда-нибудь сделается общим достоянием, то общество распадается. Вот к чему ведет доктрина полного уничтожения.¹

Если бы учение о небытии действительно было истиною, то следовало бы его принять, и никакие противоположные ему системы, ни мысль о зле, причиняемом им, не могли бы воспрепятствовать признанию этого учения. Нельзя отрицать, что скептицизм, сомнение и индифферентность ежедневно распространяются вопреки усилиям религии – это несомненно. Если же религия бессильна против неверия, то значит ей чего-то недостает, чтобы бороться с ним; и если бы она оставалась в бездействии, то была бы непременно окончательно побеждена в течение непродолжительного времени.

Чего же ей недостает?

В наш позитивный век хотят *понимать*, прежде чем *верить*, а религии недостает подтверждения положительными фактами ее доктрин. Также подрывает ее согласование некоторых учений с данными науки. Если религия говорит – белое, а факты доказывают, что это – черное, то приходится выбирать между очевидностью и слепой верой.

4. При таком положении вещей спиритизм является преградой распространению неверия, опровергая его не только рассуждениями или указаниями на опасности, которые оно за

¹ Один 18-летний юноша, страдавший неизлечимой болезнью сердца, узнал от врачей, что более двух лет ему не прожить. Он тотчас бросил учебу и предался излишествами всякого рода. На замечания, что беспутная жизнь опасна в его положении, он отвечал: «Не все ли равно? Мне осталось так мало жить! Из-за чего я стану утомлять свой ум? Лучше повеселюсь до конца». Это – логическое последствие учения о небытии. Если бы этот юноша был спиритом, он думал бы так: «Смерть уничтожает только мое тело, которое я покину, как изношенное платье, но дух мой будет жить вечно. В будущей жизни я буду тем, чем сделаю себя в этой жизни. Ничто не пропадет из того, что я приобрету в нравственном и умственном отношении, и всякий недостаток, от которого я исправлюсь, есть шаг вперед по пути к блаженству. Будущее мое счастье и несчастье зависят от образа моей настоящей жизни. Итак, в моих интересах воспользоваться остающимся мне малым временем и избегать всего, что может истощать мои силы». Которое из этих двух учений предпочтительнее?

собой влечет, но материальными фактами, давая возможность наглядно убедиться в существовании души и будущей жизни.

Каждый волен, конечно, в своих убеждениях: может верить во что-нибудь или ни во что не верить; но те, которые стараются посеять в умах массы или же, в особенности, в умах юношества отрицание будущей жизни, опираясь на авторитет своей учености и своего положения, распространяют зародыши смут и разрушения и берут на себя тяжелую ответственность.

5. Есть еще одно учение, которое отрекается от материализма потому, что признает существование разумного начала вне материи. Это учение *о слиянии каждой отдельной индивидуальности со всемирным целым*. По этому учению, каждый индивидуум при своем рождении получает частицу этого начала, которое и составляет его душу и дает ему жизнь, разум и чувство. После смерти душа возвращается к первоначальному источнику и теряется в бесконечности, как капля воды в океане.

Это учение, допускающее хоть что-нибудь, без сомнения, несколько выше чистого материализма, но результаты того и другого одинаковы. Погружается ли человек после смерти в небытие или теряется в общей массе – для него безразлично. Если в первом случае он уничтожается, то во втором теряет свою индивидуальность, что для него равносильно уничтожению. Самое важное для него есть сохранение его личности, его собственного «Я», и без этого ему все равно – быть или не быть! Будущность для него все так же безразлична, и по-прежнему его занимает только настоящее. С точки зрения моральных последствий, это учение столь же нездорово, столь же безнадежно, столь же эгоистично, как и материализм.

6. Кроме того, на него можно возразить следующее: все капли в океане одинаковы и обладают одинаковыми свойствами, как части одного целого; почему же души, извлеченные из общего океана всемирного разума, так мало похожи одна на другую? Почему появляется гений рядом с глупостью, самые высокие добродетели – подле ужасающего порока? Доброта, кротость, человеколюбие, и тут же – злоба, жестокость и варварство? Каким образом части однородного целого могут быть столь различны? Скажут, может быть, что воспитание их изменяет. Но откуда же берутся природные качества, раннее развитие, добрые или злые инстинкты, не зависящие от воспитания и часто расходящиеся с окружающей средой и тем обществом, в котором они проявляются.

Воспитание, без сомнения, изменяет природные качества души – умственные и нравственные, но здесь является новое затруднение. Кто же дает воспитание этим душам и побуждает их совершенствоваться? Души, по общности своего происхождения из одного и того же источника, не могут различаться друг от друга в своем развитии. С другой стороны, душа, возвращаясь во всемирное целое, из которого она вышла, приносит в него более совершенный элемент, приобретенный ею во время жизни; следовательно, целое должно в конце концов глубоко измениться и усовершенствоваться. Почему же из него непрестанно нарождаются души невежественные и нечестивые?

7. По этому учению, всемирный источник разума, порождающий человеческие души, независим от Божества. Это, собственно, даже не пантеизм, учение которого не вполне с этим сходно. Пантеизм признает, что всемирный источник жизни и разума составляет Божество. Бог в одно и то же время – дух и материя; все существа, все тела природы составляют Божество: это его составные элементы, его молекулы. Бог есть соединение всех разумов, а каждая личность, составляющая часть целого, есть Сам Бог; никакое высшее независимое существо не управляет целым; мир – это громадная республика без главы, или, лучше сказать, всякий тут – глава с абсолютной властью.

8. Этой системе можно противопоставить множество возражений, из которых главные таковы: как объяснить, что Божество бесконечно совершенное (иначе его невозможно постигнуть) может состоять из частей столь несовершенных и нуждающихся в совершенствовании?

Каждая частица целого подчинена закону совершенствования, значит, и Бог должен совершенствоваться; а если Он постоянно совершенствуется, значит, было время, когда Он был очень несовершенен.

Каким образом существо несовершенное, составленное из столь разнородных направлений и идей, могло создать столь гармоничные, столь чудные единством, мудростью и предусмотрительностью законы, какими управляется мир? Если все души – отдельные части Божества, то они все содействовали составлению законов природы; отчего же они постоянно ропщут на них, на собственные свои произведения? *Никакая теория не может быть признана истинной, если не удовлетворяет требованиям разума и не объясняет всех фактов, к ней относящихся; если хоть один случай не может быть ею объяснен, то, значит, теория не абсолютно верна.*

9. В моральном отношении последствия столь же нелогичны. Прежде всего, для души остается то же, как в предыдущем учении, слияние с общим целым и потеря индивидуальности. Если же допустить, согласно мнению некоторых пантеистов, что они сохраняют свою индивидуальность, то Бог уже не имеет единства воли: тогда Он является соединением мириад разнородных направлений. Кроме того, каждая душа, будучи составной частью Божества, ни одна не подчиняется высшему могуществу и, следовательно, не несет никакой ответственности за свои поступки, добрые или злые; ничто не побуждает ее делать добро, и она может безнаказанно совершать зло, так как для нее высшая власть заключается в ней самой.

10. Эти теории не только не удовлетворяют разум и стремления человека, но в них наткнешься на непреодолимые затруднения, потому что они не в силах разрешить все ими же возбуждаемые вопросы.

Итак, человеку предоставлено выбирать одно из трех верований: в небытие, в слияние со всемирным целым или в сохранение индивидуальности души до и после смерти. Логика приводит нас к тому последнему верованию, на котором основывались все религии с тех пор, как существует мир.

Если логическое мышление приводит нас к признанию индивидуальности души, оно приводит также и к другому следствию, а именно, что судьба всякой души должна зависеть от ее личных свойств. Потому что нельзя допустить, чтобы малоразвитая душа дикаря или порочного человека находилась на одном уровне с душою ученого и добродетельного мужа. По справедливости души должны нести ответственность за свои действия; но, чтобы быть ответственными, им нужна свобода выбора между добром и злом; а без такой свободы – это просто фатализм, при котором не может быть никакой ответственности.

11. Все религии одинаково признают принцип счастливой или несчастливой судьбы души после смерти, иначе говоря, наказаний или наград в будущей жизни, выражающийся в учении о рае и аде, которое мы находим у всех народов. Существенное различие между ними заключается в определении этих наград и наказаний, и особенно тех условий, которые способствуют присуждению тех или других. Отсюда произошли противоречивые положения, породившие различные культы с установленными каждым из них особыми обрядностями: для прославления Бога, для достижения рая и для избежания ада.

12. При своем возникновении все религии должны были соответствовать степени нравственного и умственного развития человечества; а люди вначале были еще настолько материальны, что мало понимали духовную сторону культа и потому ограничивали все свои религиозные обязанности исполнением наружных обрядностей. В продолжение некоторого времени эти обрядности удовлетворяли ум человека, но позднее, при развитии просвещения, они стали для него неудовлетворительны. И если религия не заполняет этот пробел, то люди отказываются от нее и обращаются к философии.

13. *Если бы религия, сначала соответствовавшая лишь ограниченным понятиям человека, всегда следовала за прогрессивным развитием его разума, неверующих не было бы вовсе.*

*Потребность верить – в природе человека, и он будет верить, если только ему дадут духовную пищу, удовлетворяющую его умственным запросам. Он хочет знать, откуда он и куда он идет; но если ему указывают цель, не отвечающую его стремлениям, его идее о Боге и данным науки; если, сверх того, для достижения этой цели ему ставят требования, с которыми его разум не может помириться, то он отвергает все. Пантеизм и материализм кажутся ему более рациональными потому, что допускают исследование и рассуждение. Положим, люди рассуждают неправильно, но все же они предпочитают рассуждать хотя бы и *ошибочно*, чем не рассуждать вовсе.*

Но пусть человеку представят будущее в условиях логических, действительно достойных величия, правосудия и бесконечной благодати Божией, и он покинет материализм и пантеизм, пустоту которых сознает в глубине своей совести и которые он принял только за неимением лучшего. Спиритизм дает больше, и потому с жадностью принимается именно теми, кого мучают неизвестность и тяжелые сомнения и кто не находит того, что ищет, ни в верованиях, ни в обыденной философии. Спиритизм имеет за собой преимущества логики и разума, подтвержденные фактами; вот почему с ним так безуспешно боролись.

14. Человек инстинктивно верит в будущее, но, не находя до сих пор никакого твердого основания для его определения, предоставил своему воображению создавать системы, породившие разногласия в верованиях. Спиритическое учение о будущем не есть фантастическая доктрина, более или менее остроумно задуманная, но результат наблюдений материальных факторов, доступных нашим чувствам; оно соединит, как это уже теперь видно, все разноречивые мнения и постепенно приведет, силою вещей, к единству верования в будущую жизнь, построенную уже не на гипотезах, а на неоспоримых фактах. *Объединение понятий о будущей судьбе души будет первым шагом к сближению различных вероисповеданий, огромным шагом к веротерпимости, а позднее и к полному слиянию религий.*

Глава 2. Страх смерти

Причина страха смерти

1. У каждого человека, на какой бы ступени развития он ни стоял, не исключая и дикаря, есть врожденное чувство будущей жизни; его исключительное сознание говорит ему, что смерть не есть последняя стадия существования и что те, кого мы оплакиваем, не потеряны для нас без возврата.

Вера в будущую жизнь созерцательна и гораздо более обща, нежели вера в небытие.

Как же происходит, что между людьми, верующими в бессмертие души, встречается такая привязанность ко всему земному и такая сильная боязнь смерти?

2. Страх смерти есть следствие премудрости Провидения и инстинкта самосохранения, присущего каждому живому существу.

Он необходим для человека, пока тот не осведомлен об условиях будущей жизни, как противовес увлечению, которое без этого сдерживающего средства может заставить его преждевременно покончить с жизнью, небрежно относиться к работе над собой здесь, на земле, и должен служить его личному совершенствованию.

Вот почему у первобытных народов будущая жизнь выражалась сначала лишь неясным созерцанием; позднее, по мере их развития, – простою надеждою, и, наконец, уверенностью, колеблемою тайной привязанностью к телесной жизни.

3. По мере того, как человек лучше и более сознательно понимает будущую жизнь, страх смерти уменьшается.

В то же время, яснее сознавая свою миссию на земле, он ожидает своего конца с большим спокойствием, покорностью и без боязни.

Уверенность в будущей жизни дает иное течение его мыслям, иную цель его работе; до этой уверенности он работает только для настоящей жизни; при этой же уверенности он работает для будущей жизни, но не пренебрегая и настоящим, потому что он знает, что будущая жизнь зависит от более или менее хорошего направления, которого он будет придерживаться в настоящей жизни.

Уверенность встретить своих друзей после смерти, продолжать с ними свои земные отношения, *не потерять ни единого плода своей работы*, преуспевать бесконечно в знании и совершенствовании дает ему терпение ждать и мужество переносить мимолетные неприятности земной жизни.

Солидарность, которую он видит между живыми и умершими, дает ему понятие о той солидарности, *которая должна существовать между живыми*. Братство в самом себе имеет причину к существованию, а милосердие – оправдывается целью в настоящем и будущем.

4. Чтобы избавиться от страха смерти, надо суметь посмотреть на нее с истинной точки зрения, т. е. проникнуть мыслью в духовный мир и получить о нем возможно точное представление.

Это умение указывает на определенное развитие воплощенного духа и на известную его (и только ему присущую) способность освобождаться от материи.

У тех же, кто еще недостаточно усовершенствован в этом отношении, материальная жизнь господствует над жизнью духовной.

Человек, привязываясь к внешности, *видит жизнь лишь в теле*, тогда как настоящая жизнь *заключена в душе*; когда тело умирает, ему кажется, что все кончено, и он приходит в отчаяние.

Если бы, вместо того, чтобы сосредоточивать свои мысли на внешней одежде, он направил их на одеваемое – на самый источник жизни, на душу, которая есть настоящее существо, переживающее все, он менее бы сожалел о теле, этом источнике стольких бед и горестей. Но для этого, надо иметь силу, которую дух приобретает лишь со зрелостью.

Итак, страх смерти происходит от недостаточности понятий о будущей жизни. Он указывает на необходимость жизни и на опасение, что все кончается с разрушением тела, но он вызывается также и тайным желанием продолжения жизни души, в которой человек еще не вполне уверен.

Уменьшается страх этот по мере того, как крепнет уверенность в самостоятельной жизни души; и уже совершенно исчезает при полной уверенности.

Что же касается этого вопроса с точки зрения Провидения, то было великой мудростью Его не поражать человека, разум которого еще не настолько окреп, перспективой слишком положительной и увлекательной будущей жизни, так как это увлечение заставило бы его пренебрегать настоящим, необходимым для его материального и духовного совершенствования.

5. Это положение вещей поддерживается и продолжается по причинам чисто человеческим. Первая причина заключается в представлении будущей жизни, представлении, которое могло быть достаточным для малоразвитых умов, но не могло удовлетворить требований разума людей мыслящих.

«Нам выдают, – говорят они, – за безусловные истины принципы, противоречащие логике и положительным данным науки, это одно уже доказывает, что они не истинны».

Отсюда у некоторых – неверие; у многих же – вера, смешанная с сомнением. Для них будущая жизнь – нечто неясное, скорее, вероятность, чем безусловная уверенность; они в нее верят, хотели бы, чтобы она существовала, и, помимо своей воли, говорят: «А если ее не существует?.. Настоящее положительнее, займемся лучше им; будущее придет само собою».

«И потом, – говорят они: – что такое, в сущности, душа? Точка, атом, искра, пламя?..

Как она живет?..

Как видит?..

Как чувствует?..»

Душа для них не есть действительность, реальность, а отвлеченность, представление.

Дорогие им существа, приведенные в их мыслях в состояние атомов, для них, так сказать, потеряны и утрачивают в их глазах те качества, за которые они были любимы; они не понимают ни *искры* любви, которую можно питать к ней – *к этой искре*, и они не могут удовлетвориться возможностью быть превращенными в неведущие единицы. Отсюда возврат к действительности земной жизни, которая представляет из себя нечто более существенное.

Число мыслящих таким образом очень значительно.

Другая причина, привязывающая к земле даже людей, наиболее твердо верующих в будущую жизнь, проистекает от впечатлений от их учения и воспитания, которые сохранились с детства.

Надо сознаться, что картина будущей жизни, которую рисует религия всех народов, не представляет ничего привлекательного и утешительного. С одной стороны – муки осужденных, искупляющих в вечной пытке и пламени свои минутные заблуждения; для них века сменяются веками безо всякой надежды на облегчение и сострадание; и, что всего безжалостнее, раскаяние для них не действительно. С другой стороны – томящиеся в слабые души чистилища, ожидающие своего избавления не от собственных попыток совершенствования, а от доброго желания живых, молящихся о них.

Эти две категории составляют преимущественное количество населения *того* мира. Над ними парит ограниченное число избранных, наслаждающихся в течение вечности созерцательным блаженством.

Конечно, *эта вечная бесполезность* лучше небытия, но тем не менее она не лишена *скудного однообразия*. Поэтому на картинах, изображающих блаженных, видны ангельские лики, дышащие скорей скукой, нежели истинным блаженством.

Это состояние не удовлетворяет ни стремлений, ни инстинктивной идеи к прогрессу, который единственно может быть совместим с безусловным блаженством.

Трудно понять, чтобы невежественный дикарь, незнакомый с чувством нравственности, в силу только полученного им крещения, становился на один уровень с человеком, достигшим некоторого совершенства долголетним трудом на высшей ступени науки и нравственности. Еще менее понятно, чтобы ребенок, умерший в раннем возрасте, когда он еще не имел понятия ни о себе самом, ни о своих поступках, наслаждался бы теми же преимуществами, благодаря одному лишь обряду, в котором воля его не принимала никакого участия.

Эти мысли смущают даже наиболее ревностно верующих, но хотя бы немного мыслящих людей.

Успешная работа на земле, ничего не значащая для будущей жизни; легкость, с которой люди надеются получить блаженство посредством исполнения некоторых внешних обрядностей; возможность даже купить его за деньги без серьезного исправления характера и привычек, оставляют земным радостям всю их цену.

Не один верующий успокаивал свою совесть, говоря, что, так как его будущее обеспечено исполнением определенных обрядов и посмертными дарами, ничего его не лишаящими, было бы излишне подвергать себя лишениям в пользу ближнего, когда можно спастись, работая каждый для себя.

Конечно, не все так думают, и есть великие и прекрасные исключения; но нельзя не признаться, что таковы мысли большинства, особенно непросвещенной массы, и представление об условиях счастья в ином мире поддерживает привязанность к благам здешнего мира и, следовательно, к эгоизму.

Прибавим к этому, что все в наших обычаях содействует сожалению о земной жизни и боязни перехода с земли на небо. Смерть окружена такой печальной обрядностью, которая, скорее, ужасает, нежели возбуждает надежду. Изображая смерть, воспроизводят ее всегда в отталкивающем виде и никогда не изображают сном при переходе из одной жизни в другую. Все эмблемы смерти напоминают о разрушении тела, показывают его отвратительным и иссушенным. Нигде смерть не представляется символом счастливой души, разорвавшей свои земные узы.

Переход в тот, более счастливый, мир сопровождается стоном оставшихся в живых, как будто для отходящего это тяжелое несчастье. С ними прощаются навеки, как будто не рассчитывают когда-либо свидеться; сожалеют за них о радостях сего мира, как будто за гробом они не найдут себе лучших. «Какое несчастье, – говорят эти люди, – умереть молодым, богатым, имеющим впереди блестящее будущее!»

Представление о более счастливом положении едва касается мысли людей и не укореняется в ней.

Таким образом, все внушает страх смерти вместо того, чтобы возродить надежду. И человеку понадобится еще много времени, чтобы отказаться от всех этих предрассудков; но, по мере того, как будет крепнуть его вера, он будет ближе и ближе подходить к более здравому представлению о духовной жизни.

Кроме того, глубокое верование и предрассудки помещают души отошедших в места, малопонятные нашей мысли, и отошедшие делаются как бы чуждыми живущим. Религия многих народов ставит между умершими и живущими непреодолимую преграду: она заявляет, что все отношения порваны, всякое сообщение невозможно. Если души находятся в аду, то потеряна всякая надежда свидеться с ними, остается только самому попасть в ад. Если они находятся среди избранных, то они поглощены своим созерцательным блаженством.

Все это ставит между умершими и живущими такое разделение, что на разлуку при отшествии в иной мир смотрят, как на вечную. Вот почему все скорее предпочитают удерживать около себя на земле *страдающих любимых людей*, чем видеть их отходящими, хотя бы и на небо.

И потом, действительно ли счастлива на небе душа, видящая, как мучаются в вечном пламени, например, *ее сын, отец, мать или ее друзья?*

Почему спириты не боятся смерти

Спиритуалистическое учение меняет совершенно взгляд на будущую жизнь. Будущая жизнь – более не гипотеза, а действительность. Состояние души после смерти – более не система, а результат наблюдения.

Завеса поднята. Духовный мир является нам в своей действительности; его открыла не хитрая выдумка людей, а сами обитатели этого мира пришли к нам и описали свое положение. Мы видим их там на всех ступенях духовной лестницы, во всех фазах счастья и несчастья. Мы присутствуем при всех перипетиях загробной жизни. Вот причина спокойствия спиритов, с которым они смотрят на смерть, и ясности их последних минут на земле.

Их поддерживает не одна надежда, но и уверенность; они знают, что будущая жизнь есть продолжение настоящей жизни, только при лучших условиях; и они ее ждут с такою же уверенностью, как восхода солнца после ночной бури.

Причины этой уверенности заключаются в фактах, свидетелями которых они являются, и в согласовании этих фактов с логикой, справедливостью и милосердием Бога и внутренними стремлениями человека.

Для спиритов душа не есть нечто отвлеченное; она имеет эфирное тело, делающее из нее определенное существо, которое может охватить мысль и постичь ее; хорошо уже то, что можно, благодаря этому, основывать свои представления на ее индивидуальности, ее способностях и ее чувствованиях.

Память о дорогих нам существах покоится не на воображении, а на действительности. Души не представляются блуждающими огоньками, ничего не говорящими нашей мысли, но вырисовываются в ясной определенной форме, которая показывает их нам, как живые существа.

Затем, вместо того, чтобы быть затерянными в пространстве, они находятся около нас; мир телесный и мир духовный находятся в постоянном сношении и общении между собою.

Сомнение в будущей жизни удалено, и не существует более причины страха смерти, ее встречают хладнокровно, как освобождение; на нее смотрят, как на дверь к жизни, а не к небытию.

Глава 3. Небо (Рай)

1. Словом *небо* определяют пространство, окружающее землю, в особенности же – ту часть, которая находится над нашим горизонтом. Древние верили в существование многих небес, составляющих концентрические сферы, с землей посередине. Эти сферы, вращаясь около земли, увлекали за собою звезды и планеты, которые находились в их области. Эти фантазии происходили от недостатка научных астрономических знаний и были приняты всеми древними теогониями, считавшими эти, этажами расположенные небеса, местонахождением духов, представлявшими различные степени блаженства: последнее, наивысшее, небо было местом наивысшего блаженства. Всех их насчитывалось семь, потому выражение «быть на седьмом небе» означало наивысшее счастье. Мусульмане насчитывают их девять также с повышающимся блаженством. Астроном Птолемей насчитывал их одиннадцать; последнее называлось *эмпиреем*, потому, что там распространен ослепительный свет. Это поэтическое название и в настоящее время дается вечной славе и блаженству.

Христианское богословие признает три неба: 1-е – область воздуха и облаков; 2-е – пространство, где движутся звезды, и 3-е – выше области звезд есть жилище Всевышнего и местопребывание избранных, которые созерцают Бога лицом к лицу. Поэтому говорят, что св. Апостол Павел был вознесен на третье небо.

2. Различные ученые, касающиеся места пребывания блаженствующих, основываются на двойном заблуждении: 1) что Земля есть центр вселенной и 2) что область звезд ограничена. И вот над этой-то областью звезд и поместили жилище Всевышнего и счастливейших духов. Странная аномалия: поместить Создателя всего мира, Того, Кто управляет всем, на краю своего создания, вместо того, чтобы *Ему находиться в центре*, откуда Его мысль могла бы распространяться на всех.

3. Наука с неопровержимой логикой наблюдений и доказательств проникла в глубину пространства и доказала ничтожество и ошибочность этих теорий. Земля, мы это уже знаем, не есть центр мира, но одна из самых незначительных планет, движущихся в беспредельном пространстве; само Солнце есть только центр движения немногих планет; звезды – это бесчисленные солнца, вокруг которых вращаются мириады миров, отделенные друг от друга необъятным пространством, хотя они и кажутся нам соприкасающимися. В этом целом, управляемом вечными законами, выражающими премудрость и всемогущество Создателя, Земля есть едва заметная точка и наименее удобная для обитания.

Тут является вопрос: почему Бог создал Землю единственным пребыванием живых существ и поместил на ней свои любимейшие создания? Конечно, это не так. Напротив, все подтверждает, что жизнь – повсюду и что человечество так же необъятно, как и миры. Наука открыла нам существование миров, подобных Земле, и, конечно, Бог сотворил их с определенной целью и населил их существами, способными управлять этими мирами.

4. Идеи человека зависят от того, что он знает; как все великие открытия, открытие строения миров должно было дать новое направление мысли. Под влиянием этих новых знаний, верования должны были измениться, переместился и рай. Область звезд оказалась беспредельной, и раю не осталось места во вселенной. Так где же он? На этот вопрос все религии безмолвствуют и не дают ответа.

Спиритизм же разрешает его указанием на настоящее назначение человека. Его природа и свойства Божества, взятые точкою отправления, как от известного к неизвестному, приводят к определенному заключению путем логического вывода, не говоря уже о непосредственных наблюдениях, доставляемых спиритизмом.

5. Человек состоит из тела и духа; дух есть главное, разумное существо; тело же – материальная оболочка, которая временно облекает дух для выполнения его назначения на земле

и для трудов, необходимых для его преуспевания. Тело изнашивается и разрушается. Дух же переживает это разрушение. Без духа тело есть инертная материя; дух же без тела – все: жизнь и разум. Покидая тело, дух возвращается в духовный мир, откуда он пришел, чтобы воплотиться. Итак, существует мир телесный, состоящий из воплощенных духов, и мир духовный, состоящий из невоплощенных духов. Существа телесного мира, уже по составу своей телесной оболочки, привязаны к земле или какой-нибудь другой планете; духовный же мир – везде, вокруг нас и в пространстве, для него не существует границ и нет преград. Вследствие флюидического состава их оболочки духи, вместо того, чтобы с трудом передвигаться по поверхности земли, с быстротою мысли пролетают пространство. Смерть тела освобождает души от тесных уз, держащих их как бы в плену.

6. Духи созданы несведущими и простыми; но им дана способность, вследствие свободы воли, приобретать познания и совершенствоваться. Совершенствуясь, духи приобретают новые познания, новые способности, новые понятия и, как результат этого, новые радости, не известные низшим духам: они видят, слышат, чувствуют и понимают то, что остальные духи не могут ни видеть, ни слышать, ни чувствовать, ни понимать. *Счастье соответствует прогрессу и развитию*: так, из двух духов один будет менее счастлив, чем другой, единственно потому, что он меньше развит как умственно, так и нравственно; но для этого им не нужно быть разделенными и находиться в разных местах: они могут быть рядом; но в то же время один будет находиться во мраке, тогда как для другого все будет сиять беспредельным светом. Так, слепой и зрячий могут быть вместе, и один будет видеть свет, который на другого не произведет никакого впечатления. *Счастье духов – неразделимо с достоинствами, которыми они обладают; они получают это счастье везде: на поверхности земли, между воплощенными и в пространстве.*

Обыденное сравнение лучше объяснит нам это положение. Если на концерте присутствуют два слушателя, один – хороший музыкант с развитым, тонким слухом, а другой – не знающий музыки и не обладающий музыкальным ухом, то первый будет испытывать наслаждение, а второй останется совершенно нечувствительным к удовольствию, которого он не в состоянии постичь и которое не производит на него никакого впечатления. То же и со всеми наслаждениями духов, которые всегда соответствуют способности их восприятия. *Мир духовный везде богат блеском, гармонией и чувствованиями, которых низшие духи, еще подверженные влиянию материи, даже не подозревают и которые доступны только высшим духам.*

7. Возвышение духов есть плод их собственных трудов; но так как они свободны, то они и работают над своим совершенствованием более или менее деятельно или небрежно, в зависимости от своего желания. Этим они ускоряют или замедляют свое возвышение, а следовательно, и свое счастье. Пока одни быстро подвигаются вперед, другие могут долгие века коснеть в низших разрядах духов. Таким образом, они сами виноваты в своем счастливом или несчастном положении, по словам Иисуса Христа, «каждому – по делам его!» Всякий дух, остающийся позади, может жаловаться только на себя; также и возвышающийся бывает обязан своими успехами только самому себе: завоеванное им самим счастье имеет в его глазах двойную цену.

Высшее блаженство есть удел духов совершенных, иначе сказать, *чистых души*. Они достигают этого только после усиленных совершенствований, как в умственном, так и в нравственном отношении. Но прогресс ума не всегда идет об руку с моральным прогрессом, и чего дух не мог достичь в одно время, он исполняет в другое, так что прогресс и в одном и в другом в конце концов достигнет одинакового уровня. Вот причина, почему мы часто видим людей умных и ученых, но очень малонравственных, и наоборот.

8. Воплощение необходимо для двойного прогресса духа, морального и интеллектуального: для развития ума нужна деятельность, называемая необходимостью труда на земле; а моральный прогресс приобретается потребностью общения с себе подобными. *Общественные отношения – вот пробный камень всех добрых и дурных наклонностей.* Доброта, злость,

кротость, жестокость, добродушие, милосердие, эгоизм, скупость, гордость, смирение, искренность, откровенность, честность, недобросовестность, одним словом, все качества, которыми отличается хороший или безнравственный человек, имеют побудительной причиной, целью и средством отношения человека к человеку, т. е. к себе подобному; если бы человек жил один, то не имел бы ни добродетелей, ни пороков, так как, избегая зла в уединении, он не осуществлял бы и добро.

9. Одного существования во плоти недостаточно для того, чтобы дух мог приобрести все то, чего ему недостает, и отделаться от того, что в нем дурно. Может ли, например, дикарь в одно воплощение достичь умственного и нравственного уровня образованного европейца? Это физически невозможно. Неужели же он должен вечно оставаться невежественным варваром, лишенным радостей, доставляемых только просвещением? Простой здравый смысл отвергает подобное предположение, как отрицающее не только справедливость и благодать Творца, но и закон прогресса в природе. Вот почему Бог, Всеблагий и Всесправедливый, дает духу человека столько существований, сколько их нужно, чтобы достичь совершенства. В каждое новое воплощение душа приносит с собою все то, что она приобрела в предшествующем, как в способностях и интуитивных знаниях, так и в умственном, и в нравственном развитии. Таким образом, каждое новое существование есть шаг вперед по пути к прогрессу.

Воплощение присуще только несовершенным духам и уже не нужно тем, кто переступил определенный предел и совершенствуется в состоянии духовном или же воплощается в мирах более совершенных, т. е. в таких, которые не имеют уже земной материальности. Для таких духов воплощение есть добровольная миссия, которую они самоотверженно принимают на себя, чтобы непосредственнее действовать на воплощенных на этой земле.

10. В промежутках между телесными существованиями дух возвращается на более или менее продолжительное время в мир духов, где он пользуется или не пользуется счастьем, в зависимости от добра или зла, которое он совершил на земле. Духовное состояние в мире духов есть нормальное назначение души, так как в конце концов она должна будет пребывать в нем вечно. Тело духовное не умирает, тогда как телесное состояние временно и скоротечно.

В этом духовном состоянии преимущественно и пожинают плоды совершенствования и трудов, понесенных во время воплощения; тогда же дух снова готовится к борьбе и принимает новые решения, которые старается осуществить, возвратясь к земной жизни.

Дух может развиваться и в блуждающем состоянии, когда он собирает сведения и черпает знания, которых не мог приобрести на земле. Он обдумывает свои понятия и изменяет прежние взгляды. Оба эти существования, телесное и духовное, служат для него источником двойного, но стремящегося к одной цели, прогресса; вот почему он поочередно переходит из одного рода существования в другое.

11. Перевоплощение может осуществляться как на земле, так и на других планетах. Среди миров есть и более совершенные, где существование менее тягостно, чем на Земле, в физическом и нравственном отношениях, но туда допускаются только духи, достигшие определенной степени совершенства, соответствующей состоянию этих миров.

Жизнь в высших мирах есть уже награда, так как там люди избавлены от страданий и превратностей, которым мы подвергаемся здесь, на Земле. Тела там менее материальны, почти флюидичны, не подвержены болезням и немощам и не испытывают земных потребностей. Так как злых духов там нет, люди живут там в мире, имея только одну заботу о своем совершенствовании. Там царит истинное братство, потому что нет эгоизма; истинное равенство, потому что нет гордости; настоящая свобода, потому что нет надобности водворять порядок; нет властолюбцев, желающих угнетать слабых. В сравнении с Землей эти миры настоящий рай, это станции на пути к прогрессу и совершенствованию. Земля, как низший мир, предназначена для очищения духов несовершенных, и в этом причина, по которой на ней царит зло, пока Богу

не будет угодно переменить ее назначение и сделать из нее местопребывание более совершенных духов.

Таким образом, дух, постепенно возвышаясь по мере своего развития, доходит до высшего блаженства; но, прежде чем он дойдет до высшей точки совершенства, он наслаждается счастьем, доступным его развитию. Так ребенок пользуется радостями первого детства, молодой человек – удовольствиями юности, а зрелый возраст имеет свои, более солидные развлечения.

12. Блаженство счастливых духов состоит не в созерцательном бездействии, которое было бы вечной и скучной бесполезностью; напротив, духовная жизнь на всех своих ступенях представляет постоянную деятельность, но деятельность неутомительную. Наивысшее счастье заключается в радостном восхищении красотами творения, которых ни один человеческий язык не в состоянии передать и никакое воображение постичь; в познании *всего*, в отсутствии всяких физических и моральных страданий; в полном внутреннем удовлетворении и в ясном спокойствии души; в чистой любви, объединяющей всех; и, в довершение всего, в созерцания Бога и в постижении Его тайн, открытых наиболее достойным. Оно состоит также в исполнении возложенных и радостно принятых обязанностей. Чистые духи – это Мессии, или посланники Божии для передачи и исполнения Его велений; они исполняют великие миссии, руководят строением миров и общей гармонией вселенной; только наиболее возвышенные из них посвящаются в тайны Божий, вдохновляются Его мыслью и служат Его прямыми представителями.

13. Введение духов бывает пропорционально их возвышенности, их способностям и просвещению, их опытности и степени доверия к ним Господа. Тут нет привилегий, нет милости и снисхождения помимо истинных заслуг, все распределено со строжайшей справедливостью. Наиболее важные миссии поручаются по воле Бога только тому, кто в состоянии их выполнить и не способен их исказить или изменить. Под руководством Самого Господа наиболее достойные составляют верховный совет и передают распределение движению планет и различных миров. Затем идут в порядке совершенства и иерархии такие духи, преимущества которых более ограничены; их задачу составляют покровительство над семьями и отдельными личностями, наблюдения за жизнью народов или за явлениями природы до мельчайших тайн творения. В этом громадном целом есть занятия для всех способностей, для всех желаний; занятия, принимаемые с радостью и горячо просимые, потому что они дают возможность возвыситься тем, кто этого желает.

14. Рядом с великими миссиями, порученными чистым духам, есть еще различные по степени важности поручения, которые даются духам всех степеней, и каждый из них имеет свою обязанность и исполняет ее для блага других; таким же образом и воплощенные духи должны иметь свои обязанности, начиная с отца семейства, который должен заботиться о совершенствовании своих детей, и заканчивая гением, который награждает общество произведениями своего таланта. В этих-то второстепенных миссиях часто встречаются такие духи, которые не в силах довести до конца свою задачу и отказываются ее исполнить, чем, конечно, вредят более всего себе самим, а не общему делу.

15. Так все разумные существа, на какой бы ступени возвышения они ни стояли, по мере своих сил способствуют общему делу – одни в воплощенном состоянии, другие в состоянии бесплотных духов. Все деятельны, все приобретают познания, помогают друг другу и протягивают один другому руку помощи для достижения высшего совершенства.

Таким образом устанавливается солидарность между миром духовным и телесным, иначе сказать, между людьми и духами; духами свободными и духами не свободными. Так устанавливаются и укрепляются взаимные отношения, истинные симпатии, святыя привязанности.

Везде жизнь и движение: нет в беспредельности ни одного незаселенного уголка, ни одной области, по которой не проносились бы легионы лучезарных существ, остающихся невидимыми для грубых материальных чувств, но восхищающих и радующих души, освобожден-

ные от материи. Наконец, везде есть относительное счастье, для каждого исполненного долга, для каждого совершенства; каждый носит в себе зачаток своего счастья. Счастье зависит от личных свойств духа, а не от материальной среды, в которой он находится; следовательно, оно всегда там, где есть духи, способные быть счастливыми, и нет такого специально ему предназначенного места на свете. В каком бы месте они ни находились, чистые духи могут всегда созерцать Божественное величие, потому что Бог везде.

16. Тем не менее, счастье не должно быть эгоистично; если бы им пользовались только для себя, если бы его не могли разделять с другими, оно было бы печально и эгоистично, тогда как оно должно состоять в общности мыслей, соединяющей симпатизирующие существа.

Счастливые духи привлекаются один к другому однородными чувствами, вкусами, мыслями и составляют обширные, однородные группы и семейства, в лоне которых каждый индивидуум сияет своими качествами и проникается благородными и спокойными лучами, исходящими из целого. Члены этих обществ то рассыпаются для исполнения своих миссий, то собираются все вместе на какой-либо точке пространства, чтобы поделиться результатами своих трудов или соединиться вокруг духа высшего порядка и выслушать его мнение или наставление.

17. Хотя духи находятся везде, но они преимущественно любят собираться на обитаемых мирах из-за сходства между ними и существами, их населяющими. Вокруг миров совершенных царят духи высшего порядка; вокруг же отсталых, в числе которых считается и наша Земля, преобладают низшие духи. Таким образом, каждая планета, или мир, имеет свое особенное население в виде воплощенных и бесплотных душ, которые и пополняются по большей части воплощением и освобождением одних и тех же духов. В мирах низших это население малоподвижно и тяжело; в высших оно легко и воздушно, так как менее связано материей. Но, к счастью, из миров счастливых духи иногда отрываются и летят в низшие, чтобы посеять там семена прогресса, принести утешение и надежду, поднять утраченные испытаниями жизни силы, а иногда воплотиться там, чтобы удобнее и целесообразнее исполнить свою миссию.

18. Но где же в этом беспредельном пространстве рай, или небо? Оно везде, ему нет предела: счастливые миры его – последние станции, куда добродетели прокладывают путь, а пороки преграждают доступ.

Рядом с этой грандиозной картиной, показывающей, как населены все уголки мира и объясняющей причину и цель существования всех творений, каким мелким и ничтожным кажется учение, сосредотачивающее все человечество на одном неприметном пункте пространства. Оно показывает нам это человечество, начинающимся в определенный момент и оканчивающимся в один день с носящим его миром, т. е. длящимся не более одного мгновения в вечности! Как печальна, безнадежна и холодна картина остального мира *до, во время и после* земного существования человечества – мира без жизни, без движения, как беспредельная пустыня, погруженная в безмолвие! Как неутешительно изображение небольшого числа избранных, посвященных постоянному созерцанию, тогда как наибольшее число существ приговорено к вечному мучению! Как тяжелы для любящих сердец эти преграды, поставленные между живыми и мертвыми! Говорят, что счастливые души думают только о своем счастье, а несчастные – только о своем страдании. Тогда нет ничего удивительного в том, что эгоизм царствует на земле, если он существует даже на небе. Как узко подобное понятие о величии, могуществе и благодати Божией!

Насколько же выше и величественнее учение спиритизма! Насколько оно расширяет идеи и возвышает мысли!

Но верно ли оно? Чем оно подтверждается? Во-первых, рассудком, во-вторых, – откровением и, наконец, согласием его с наукой и прогрессом. Из двух учений, где одно умаляет, а другое возвеличивает Бога, где одно в разногласии, а другое в согласии с прогрессом, одно отстает, а другое подвигается вперед – здравый смысл должен выбрать и указать, на чьей сто-

роне истина. Пусть же каждый взвесит и в тайнике своей души решит этот вопрос, и внутренний голос ответит ему. Голос же этот и тайное стремление души есть голос Божий, который не может обмануть человека.

19. Почему же в таком случае Бог с самого начала не открыл людям всей истины? По той причине, по которой детям не преподают того, чему учат взрослых. Ограниченное откровение было достаточно для человечества в продолжение определенного периода существования: Бог приравнивал его к силам духов. Духи, получающие теперь более полное откровение, – все те же духи, которые прежде уже получали частичное откровение, но с тех пор они выросли в умственном отношении.

Прежде, чем наука открыла людям живые силы природы, образование планет, настоящее строение земли, могли ли бы они понять бесконечность пространства и множественность миров? Прежде, чем геология доказала состав и образование Земли, как могли бы они не верить в существование ада в недрах ее и понять аллегорический смысл шести дней творения? Прежде, чем астрономия открыла законы, управляющие вселенной, могли ли бы они понять, что нет ни верха, ни низа в пространстве и что рай не над облаками и не ограничен областью звезд? Прежде развития психологических наук могли ли бы они освоиться с идеей о духовной жизни и постичь счастливую или несчастливую жизнь после смерти иначе, как в определенном месте и в материальной форме?

Конечно, нет; они все воспринимали, скорее, чувствами, чем мыслью, и мир был слишком обширен для них. Пришлось сузить его, чтобы ввести в рамки их понятий с тем, чтобы впоследствии вновь расширить эти границы. Частичное откровение имело свою пользу и было мудро тогда, но теперь оно недостаточно; и не правы те, кто не хочет считаться с успехами мысли и думает взрослых и зрелых людей водить на детских помочах. (См. Евангелие в разъяснении спиритизма, гл. 3.)

Глава 4. Ад

Предчувствие будущих наказаний

1. Во все времена человек верил в счастливую или несчастную будущую жизнь в связи с тем добром или злом, которые он совершил на земле; только понятия, которые он имел о будущих наказаниях, всегда зависели от степени его развития и от тех представлений, которые он создавал себе о добре и зле; таким образом, награды и наказания являлись отражением преобладающих в нем инстинктов. Например, народы воинственные видели высшее блаженство в почестях, воздаваемых храбрости; охотничьи племена – в изобилии дичи; народы чувственные – в удовольствии сладострастия. Пока в человеке будет преобладать материя, у него будет самое поверхностное понятие о духовности; вот почему он составляет себе о будущих наградах и наказаниях более материальное, чем духовное представление; он воображает, что на том свете должны есть и пить, но гораздо вкуснее и лучше, чем на земле.² С течением времени появляется в верованиях о будущей жизни смешение духовности с материальностью: так, рядом с созерцательным блаженством помещают картину ада с физическими мучениями.

2. Понимая только то, что он видел, первобытный человек естественно представлял себе будущее таким, как настоящее; чтобы понять нечто иное, ему нужно было умственное развитие, каким он не обладал. Так, картина, которую он составлял себе о наказаниях в будущей жизни, есть только отражение бедствий, которые испытывало человечество, но в более ярких красках. Он соединял вместе все муки, все терзания, все огорчения, какие только встречал на земле: так, в жарком климате он представлял себе ад огненный, а в холодном – ледяной. Чувство, которое позднее должно было открыть ему мир духовный, было еще не развито, и он не мог понять иных мучений, кроме физических; вот почему в религиях всех стран ад изображается почти одинаково.

Христианский ад как подражание аду языческому

3. Ад язычников, описанный и драматизированный поэтами, есть грандиозный образец, которому подражает и христианский ад, также нашедший своих песнопевцев. Сравнивая их, находим, за исключением имен и некоторых вариантов, многочисленные аналогии: например, как в том, так и в другом материальный огонь есть основа всех мук, символ самых жестоких страданий. Но странно, что христиане во многих отношениях превзошли свой образец. Язычники в бочке Данаид, в колесе Иксиона, в Сизифовой скале имели индивидуальные наказания; в христианском же аде для всех без разбора – одни пылающие жаровни и котлы, крышки которых приподнимаются ангелами, чтобы видеть страдания осужденных;³ и Бог без сожаления в течение веков слушает вопли осужденных и не прощает их. Язычники никогда не описывали жизни обитателей Елисейских полей, сопутствуемой тяжелыми муками Тартара.⁴

4. Как и язычники, христиане имеют царя ада, сатану, с тою только разницей, что Плутон управлял темным царством, которое ему было дано во власть, но сам не был зол; он удерживал у себя тех, кто худо поступал, потому что это была его обязанность, но он не старался

² Маленький савояр, которому священник описывал заманчивую картину будущей жизни, спросил его, все ли они там едят белый хлеб, как в Париже?

³ Проповедь, произнесенная в Монпелье в 1860 году.

⁴ Праведные, не оставляя занимаемых ими мест, могут иногда, благодаря духовной опасности, созерцать на расстоянии муки ада; и, видя их, не только не испытывают печали и сострадания, но в избытке радости прославляют Бога за свое собственное блаженство, в то время как нечестивые переживают невыносимые мучения. – Св. Фома Аквинский.

вовлечь людей во зло, чтобы доставить себе удовольствие видеть их мучения; тогда как сатана разыскивает себе жертв, которых потом с удовольствием заставляет мучить: легионы демонов, вооруженные вилами, переворачивают их в огне. Немало обсуждались даже и свойства этого огня, который горит, но не сжигает тела осужденных... Возникал даже вопрос – не есть ли это огонь горящей смолы.⁵

Итак, христианский ад ни в чем не уступает аду языческому.

5. Те же соображения, которые у древних народов определяли место блаженства, указывали также и место наказаний; поместив первое на высоте, естественно было вообразить второе внизу, в глубине, т. е. в центре земли, к которому, как думали, вели некоторые страшные и темные пещеры, служившие входами... Так же точно представляли себе ад и христиане. Отметим по этому поводу еще одну аналогию.

Языческий ад заключал с одной стороны – Елисейские поля, рай, а с другой – Тартар, ад. Олимп же, местопребывание богов и обоготворенных людей, находился в высоких областях. По букве Евангелия, Иисус Христос *сошел* в ад, т. е. вглубь, вниз, чтобы извлечь оттуда души праведников, которые ожидали там Его пришествия. Стало быть, ад не был исключительно местом наказания; как и у язычников, он был в местах низких, внизу. А местопребывание ангелов и святых, или рай, было наверху: его поместили выше области звезд, предполагая область эту ограниченной.

6. Эта смесь христианских понятий с идеями языческими не представляет ничего удивительного. Христос не мог внезапно уничтожить укоренившиеся верования; а людям недоставало необходимых знаний, чтобы понять необъятность пространства и нескончаемое число миров. Землю они считали центром вселенной, не знали ни ее формы, ни внутреннего строения; все было ограничено в их глазах, и понятия их о будущности не могли простирались далее их познаний. Иисусу Христу было невозможно открыть им настоящее положение вещей; но в то же время, не желая Своим авторитетом санкционировать укоренившиеся предрассудки, Он воздержался от объяснений, предоставив времени исправлять заблуждения. Он ограничился тем, что смутно указывал как на счастливую жизнь, так и на возмездие, ожидающее виновных; но нигде в Его поучениях мы не находим ужасных картин телесных мучений, из которых христиане сделали догмы веры.

Вот как языческая идея ада сохранилась до наших дней. Нужно было распространение просвещения и повышение общего умственного уровня человечества для того, чтобы избавиться от нее. Но так как ничто положительное не явилось на смену устарелых заблуждений, то за долгим периодом слепой веры, как переходная ступень, последовал период неверия, которому новые откровения должны положить предел. Надо было разрушить старое, прежде чем строить новое, потому что легче принять истину тем, кто ни во что не верит, но чувствует, что ему не хватает чего-то, чем имеющим крепкую веру в абсурд.

7. Определяя место для неба и ада, христианские исповедания вынуждены были принять только два крайних положения душ: полное блаженство или абсолютное страдание. Чистилище есть только промежуточное мимолетное положение, по выходу из которого души сразу переходят в блаженное состояние; иначе и не может быть при веровании в окончательную судьбу души после смерти. Если существует только два местопребывания душ блаженных и отверженных, без переходных ступеней, которые давали бы возможность подниматься, т. е. совершенствоваться, то не существует прогресса; если же можно совершенствоваться, то нет определенной судьбы за гробом. Христос решает этот вопрос, когда говорит: «В доме Отца Моего обителей много».⁶

⁵ Проповедь, произнесенная в Париже в 1861 г.

⁶ Евангелие в разъяснении спиритизма. Глава 3.

Преддверие рая

8. Церковь допускает, правда, известные исключения в некоторых особенных случаях. Дети, умершие в раннем возрасте, не сделавшие ничего дурного, не могут быть обречены на вечные мучения; с другой стороны, не сделав также и добра, они не имеют права на высшее блаженство, тогда, говорит церковь, они находятся в преддверии Рая, в положении среднем, которое никогда не было точно определено и в котором, не подвергаясь страданию, они все-таки не пользуются и полным блаженством, а так как участь их решена окончательно, то они навеки лишены этого блаженства. Это лишение, совершенно не зависевшее от их воли, равняется вечному и незаслуженному наказанию. То же самое и по отношению к диким народам: они не получили благодати святого крещения и света религии; они грешат по неведению и, предаваясь своим природным инстинктам, не могут быть ни правы, ни виноваты. Простая логика, во имя правосудия Божия, отвергает подобную доктрину. Правосудие и справедливость Божия заключаются в словах Христа: «Каждому по делам его»; но тут надо понимать: добрые или злые дела, совершаемые свободно и сознательно, и есть те дела, за которые только и можно нести ответственность; а не такие, какие совершаются детьми или дикарями.

Изображение языческого ада

9. Мы знакомы с языческим адом только по описанию поэтов: Гомер и Вергилий оставили нам подробное поэтическое изложение этих верований; но стихотворные формы имеют свои требования и с ними следует считаться в их описаниях. Фенелон в своем «Телемаке», исходя из тех же источников, отличается более определенной и простой прозаической формой. Описывая мрачный вид этих мест, он старается определить род страданий, которым подвергаются виновные; в особенности же он останавливается на участии злых правителей, имея в виду своего царственного воспитанника. Как ни популярно это произведение, но, вероятно, не многие помнят его хорошо или достаточно вникают в него, чтобы сравнивать его с другими; а потому мы считаем полезным воспроизвести те его части, которые имеют наибольшее отношение к предмету, нами трактуемому, т. е. индивидуальной ответственности или личной наказуемости.

10. «Войдя, Телемак услышал вопли не могущей утешиться тени. „В чем ваше несчастье? – спросил он. – Кто вы были на земле?“ „Я был, – отвечала ему тень, – Навохарзан, великий царь Вавилонский; все народы Востока трепетали при одном моем имени; я приказал поклоняться себе в мраморном храме, под видом золотой статуи, перед которой день и ночь сожигали фимиамы и курились драгоценные благовония Эфиопии; никто никогда не смел мне противоречить из страха немедленного наказания; ежедневно придумывали мне новые удовольствия, чтобы украсить мою жизнь. Я был молод и здоров; увы! сколько бы еще благополучия и радостей я мог испытать на престоле. Но женщина, которую я любил, заставила меня почувствовать, что я не бог; она не любила меня и я был отравлен ею. И вот я ничто. Вчера торжественно положили мои останки в золотую урну; плакали, рыдали, рвали на себе волосы, делали вид, что хотят броситься в огонь, чтобы сгореть вместе с моим телом; и еще будут рыдать у подножия моей великолепной гробницы; но никто обо мне не жалеет; память моя ненавистна даже в моей семье, а здесь я уже переношу самые ужасные оскорбления“. Телемак, тронутый этим заявлением, говорит ему: „Были ли вы действительно счастливы во время вашего царствования? Чувствовали ли вы тот мирный, безмятежный покой, без которого сердце иссыхает, хотя бы среди наслаждений?“ „Нет, – ответил вавилонянин, – я даже не понимаю, о чем вы говорите. Мудрецы, правда, хвалят этот покой как единственное блаженство; но я его никогда не испытывал; сердце мое вечно волновалось новыми желаниями, опа-

сениями и надеждами. Я старался забыть, разжигая свои страсти и поддерживая их опьянение, чтобы оно не прекращалось: малейший просвет рассудка был бы для меня слишком тяжел и горек. Вот мир и покой, которым я пользовался; всякий иной представляется мне басней или сном; вот те радости, о которых я сожалею!» Отвечая так, вавилонянин плакал, как трус, изнеженный излишеством и не привыкший переносить продолжительное несчастье. Около него находилось несколько рабов, которых умертвили в его честь на его похоронах; Меркурий передал их всех вместе Харону и дал полную власть рабам над своим царем, которому они служили на земле. Эти тени рабов не боялись больше тени Навохарзана; они держали его в оковах и заставляли переносить тяжкие оскорбления. Одна из теней говорила ему: „Разве мы не были такими же людьми, как и ты? Как же ты мог думать, что ты бог? Не следовало ли тебе вспоминать, что ты также принадлежишь к роду человеческого?“ Другая тень, чтобы оскорбить его, говорила: „Ты был прав, не желая, чтобы тебя считали за человека, так как ты урод, не имеющий ничего человеческого. Где же теперь твои льстецы? Тебе нечего больше давать, несчастный; ты не можешь больше делать зла; ты стал рабом своих рабов; боги медлят с правосудием; но в конце концов произносят свой приговор“.

Слыша такие жестокие слова, Навохарзан бросился лицом на землю и рвал волосы в припадке злобы и отчаяния. Но Харон приказал рабам: «Тяните его за цепь, поднимите его силою, он не должен иметь возможности и утешения прятать свой позор, нужно, чтобы все тени Стикса были свидетелями его наказания и видели бы справедливость богов, терпевших так долго этого нечестивца царем на земле».

Телемак вскоре заметил на небольшом расстоянии мрачный Тартар; из него поднимался черный и густой дым, удушливый запах которого был бы смертелен, если бы распространился в жилищах живых. Дым этот покрывал море огня и исходил из пламени, шум которого напоминал рев потоков, низвергающихся с высоких скал в пропасть, и от этого шума невозможно было что-либо ясно слышать в этих печальных местах. Телемак, тайно поддерживаемый Минервой, безбоязненно входит в эту пропасть. Вначале он замечает множество людей, принадлежавших на земле к низшим сословиям и наказанных за то, что обманом, изменой и жестокостью старались приобрести богатство. Он также заметил много нечестивых ханжей и лицемеров, выказывавших свою приверженность религии и под ее прикрытием удовлетворявших свое властолюбие, пользуясь доверчивостью людей. Люди эти употребляли во зло даже добродетель и были наказаны, как самые последние злодеи. Дети, убившие родителей, жены, обогрившие руки в крови своих мужей, изменники, продавшие свою родину и нарушившие все клятвы, переносили менее жестокие наказания, чем эти вероломные лицемеры. Так постановили трое судей ада и вот почему: эти лицемеры не довольствуются быть только злыми, как все остальные нечестивцы; но они хотят еще прослыть добрыми и поэтому своими лживыми добродетелями вводят в обман людей, которые потом уже не доверяют истинной добродетели. И потому боги, над которыми они издевались, употребляют все свое могущество и власть, чтобы отомстить за свое оскорбление.

Затем следовали люди, которых на земле почти не считают преступными, но месть богов их преследует немилосердно; это были неблагодарные, лгуны, льстецы, восхвалявшие порок, хитрые хулители, желавшие запятнать даже чистую добродетель и, наконец, те, которые смело брались судить о вещах, им не известных, и тем вредили невинным.

Телемак, увидев трех судей, судивших человека, осмелился спросить у них, в чем его преступления. Тотчас осужденный заговорил сам и стал уверять, что он никогда не делал зла, а, напротив, находил удовольствие в добре: «Я был щедр, справедлив и сострадателен, в чем же меня обвиняют?» Тогда Минос сказал ему: «Тебя не обвиняют в преступлении против людей, но ты так же должен был относиться к богам; о какой же справедливости говоришь ты? Ты, правда, ни в чем не виновен перед людьми, которые сами по себе ничто; ты был по отношению к ним добродетелен; но добродетель эту ты приписывал самому себе, а не милости богов,

которые тебе ее дали; ты сам хотел пользоваться плодами своей добродетели и замкнуться в самом себе; ты сам себе поклонялся и сделал себя своим божеством. Но боги, сотворившие все для самих себя, не могут отказаться от своих прав; ты их забыл, они забудут тебя и передадут тебя самому себе, так как ты этого хотел. *Ищи же теперь, если можешь, утешения в своем собственном сердце.* Ты навсегда разлучен с людьми, которым ты так хотел нравиться; теперь ты один на один с собою, со своим кумиром; познай, что нет настоящей добродетели без поклонения и любви к богам, которым мы всем обязаны. Твоя ложная добродетель, которая так долго ослепляла легковверных людей, должна быть развенчана и уничтожена. Люди судят как о пороках, так и о добродетелях только по тому, насколько это их касается, но к добру и злу они слепы. Здесь же Божественный свет освещает все поверхностные суждения и очень часто осуждает то, чем люди восхищаются, и наоборот».

Слыша эти слова, ученый, будто пораженный громом, не мог сдержать своего отчаяния. Снисходительность, с которой он прежде смотрел на себя, на свои великодушные наклонности, на свое мужество и умеренность, превратилась в отчаяние. Вид собственного сердца, врага богов, сделался для него мучением; он смотрит на себя и не может отрешиться от этого зрелища; он видит суетность людского суждения, суждения тех, кому всю жизнь так желал нравиться. Происходит полный переворот всех его понятий, как будто все пред ним рушится: он не узнает сам себя, не находит опоры в собственном сердце; его совесть, такая спокойная прежде, теперь выступает против него и горько упрекает его в заблуждениях и преувеличении своих добродетелей, не имевших основанием и целью поклонение божеству. Он смущен, уничтожен, полон стыда, раскаяния и отчаяния. Фурии не терзают его, потому что с него довольно того, что он предоставлен самому себе и что его собственное сердце мстит ему за оскорбление богов. Он ищет самых уединенных и темных мест, чтобы скрыться от других мертвецов, не находя возможности скрыться от самого себя. Он ищет мрака и не находит; докучливый свет преследует его повсюду; везде пронизывающие лучи правды мстят ему за забвение истины! Все, что он любил, становится ему ненавистным, как источник муки, которая не может никогда прекратиться. Он восклицает: «О, безумец! Я никого не знал, ни людей, ни богов, ни самого себя; нет, я ничего не знал, потому что никогда не любил единственного и действительного блага; каждый шаг мой был заблуждением, моя мудрость – было безумие; моя добродетель – была гордость, нечестивая и слепая: я сам себе был кумиром!»

Наконец, Телемак увидел царей, осужденных за злоупотребление своею властью. Фурия-мстительница с одной стороны подставила им зеркало, в котором отражалось все безобразие их пороков; в нем они видели и не могли оторваться от зрелища своего грубого тщеславия, жаждавшего самых нелепых похвал; их равнодушие перед добродетелью; их жестокость к людям, которым они должны бы были благодетельствовать; их боязнь услышать истину; их пристрастие к людям подлым и льстивым; их нерадение; их слабость; их леность; их неуместное недоверие; их расточительность и чрезмерная роскошь, основанная на народном разорении и нищете; их гордость и желание приобрести, хотя бы ценою крови своих подданных, немного тщетной славы; наконец, жестокость, с которой они каждый день искали новых наслаждений, не стесняясь слез и отчаяния стольких несчастных. Они беспрестанно видели себя в этом зеркале и находили себя более ужасными и более чудовищными, нежели Химера, покоренная Беллерофонтом, хуже, чем Гидра, убитая Геркулесом, хуже даже Цербера, изрыгавшего из своих трех отверстых пастей черную ядовитую кровь, которая могла бы заразить всех смертных, живущих на земле. В то же время вторая Фурия с другой стороны повторяла им с оскорблениями все те похвалы, которые им расточали льстецы в продолжение их жизни, и подставляла им другое зеркало, где они отражались в том виде, как изображала их лесть. Противоположность этих двух изображений была мукой для их тщеславия. Заметно было, что самым злым из этих царей расточались самые усиленные похвалы в продолжение их жизни, так как злых бояться более, чем добрых, и они бесстыдно требуют самых подлых похвал и лести от поэтов

и ораторов своего времени. Слышны их стоны в глубоком мраке, где они ничего больше не видят и ничего не слышат, кроме оскорблений и насмешек. Их все отталкивают от себя, все им противоречат, все их стыдят, тогда, как на земле они забавлялись жизнью людей и полагали, что все существует для их услуг. В Тартаре они предоставлены в распоряжение своих рабов, которые, в свою очередь, заставляют их служить себе и жестоко с ними обходятся; и они служат с горечью, и нет им надежды когда-либо смягчить свою участь; под ударами своих рабов, сделавшихся их безжалостными палачами, они походят на наковальни под ударами молотов циклопов, когда Вулкан заставляет их работать в горячем горниле Этны.

Там Телемак увидел бледные, ужасные, отвратительные лица. Черная печаль гложет этих преступников: они противны сами себе и не могут избавиться от этого отвращения, как от своей природы; им не нужно другого наказания за их грехи, как эти самые грехи; они их постоянно видят во всем их безобразии, они их преследуют и постоянно представляются им как ужасные призраки. Чтобы избавиться от этих призраков, они ищут более полной смерти, чем та, которая уже отделила их от тела. В своем отчаянии они призывают на помощь смерть, которая могла бы уничтожить в них чувство, всякое сознание; они молят пропасти поглотить их, чтобы избавиться от мстительных лучей правды, которая их преследует. Правда, которую они боялись слышать раньше, составляет теперь их мучение; они видят ее постоянно, и вид ее их пронизывает, их разрывает; а она, как молния, ничего не разрушая снаружи, проникает в самую глубину их существа.

Среди тех ужасов, от которых у Телемака волосы подымались на голове, он увидел нескольких лидийских царей, наказанных за то, что они предпочитали сладость изнеженной жизни труду для блага народа, что должно быть неразлучно с царской властью. Цари эти упрекали и обвиняли один другого в слепоте. Один, отец, говорил другому, который был его сыном: «Не говорил ли я тебе во время моей старости и перед смертью, чтобы ты исправил зло, которое я совершил по нерадению?» – «Ах, несчастный отец, – отвечал сын, – ты-то меня и погубил! Твой пример заставил меня предаться гордости, роскоши, сладострастию и жестокости к людям! Видя тебя царствующим и живущим в такой изнеженной обстановке, окруженным подлыми льстецами, я привык любить лесть и удовольствия. Я предполагал, что все люди, должны быть в таких же отношениях к царям, как лошади и другие животные в отношении к человеку; т. е., что их ценят настолько, насколько они приносят пользы. Я так думал, и твой пример ввел меня в это заблуждение, а теперь я страдаю потому, что подражал тебе». К этим упрекам они присоединили ужасные проклятия и в ярости были готовы разорвать друг друга.

Вокруг этих царей носились, как совы ночью, тяжелые подозрения, тщетные тревоги, недоверие народа, который мстит королям за их жестокость, за ненасытное корыстолюбие и ложную славу, всегда тираническую и трусливую изнеженность, которая удваивает все страдания. Многие из этих царей были строго наказаны не столько за зло, которое они сделали, сколько за добро, которое должны бы были сделать, но не сделали. Все преступления, происшедшие от небрежного исполнения законов, были приписаны царям, которые, царствуя, должны наблюдать за исполнением законов. Им вменяли также в вину все беспорядки, порождаемые роскошью и расточительностью, раздражающими людей и приводящими их к незаконному желанию захватить чужую собственность.

В особенности же сурово обходились с теми царями, которые вместо того, чтобы быть добрыми пастырями своего народа, походили на волков, опустошающих стадо. Но что еще более удивило Телемака – это вид царей, считавшихся на земле довольно добрыми и все-таки приговоренных к мучениям Тартара за то, что допустили управлять собою людям злым и коварным. Они были наказаны теми мучениями, каким, в силу своей власти, допускали подвергать людей. Они не были ни злы, ни добры, и слабость их доходила до того, что они боялись услышать правду; они не любили истину и добродетель.

Картина христианского ада

11. Мнение богословов об аде излагается в следующих изречениях,⁷ которые почерпнуты из сочинений и житий святых отцов церкви и служат выражением ортодоксальной религии, постоянно повторяясь с церковных кафедр, как католических, так и евангелических исповеданий.

12. Демоны – это духи; а осужденные, находящиеся в настоящее время в аду, могут также считаться духами, потому что только душа их спускается туда; кости же их, превратившиеся в пыль, постоянно перерождаются то в растения, то в плоды, в минералы, в жидкости и, таким образом, проходят без их ведома различные стадии превращения материи. Но осужденные, как и святые, должны в последний день воскреснуть и воплотиться в то материальное тело, которое они имели, живя на земле. Различие между ними будет состоять в том, что избранные воскреснут и воплотятся в сияющие и чистые тела, а осужденные – в тела, оскверненные и обезображенные грехом. Таким образом, в аду будут не одни только духи, но и люди, подобные нам. Следовательно, ад есть место, физически определенное, материальное, и будет заселен земными существами, имеющими плоть и кровь, кости, руки, ноги и т. д. и нервы, способные испытывать страдание.

⁷ Это извлечение взято из сочинения, озаглавленного «Ад», Августа Калле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.